

Уилл Кимлика

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА?

Уилл Кимлика
(Will Kymlicka)

профессор
Королевского
университета в
Кингстоне (Канада),
заведующий кафедрой
политической
философии

I. Введение

Проблемы этнического многообразия широко обсуждаются во всем мире в правовом и политическом поле. За последние 40 лет можно услышать множество мнений о «взлете и падении мультикультурализма». Действительно, это стало своего рода трендом — ссылаться на ученых, журналистов и политиков, которые в равной степени пытаются объяснить эволюцию современных дискуссий о культурном многообразии. У людей нет единого мнения о политике, которая придет на смену мультикультурализму, но есть удивительная уверенность, что они живут в эпоху пост-мультикультурализма.

В данном случае, такая уверенность не всегда отражает реальное положение дел. Поэтому необходим альтернативный взгляд на эту проблему. Очевидно, успешность внедрения мультикультурализма зависит от страны-участницы процесса, а также от уровня общественного признания данной политики. Мы должны принять во внимание эти факты, если хотим разработать более устойчивую модель мультикультурализма.

Данная статья оспаривает утверждение о смерти мультикультурализма по следующим причинам: 1) предпринятые эксперименты в мультикультурализме носили неверный характер 2) степень проблем мультикультурализма была преувеличена 3) была произведена неверная оцен-

ка реальных трудностей и ограничений, с которыми пришлось столкнуться.

Прежде чем решить, стоит ли радоваться или огорчаться «падению» мультикультурализма, мы должны знать, что такое мультикультурализм в теории и на практике, успешно ли он применяется, где данной политике удалось или не удалось достичь своих целей и при каких условиях она может процветать в будущем.

Взлет и падение мультикультурализма

С 1970-х до середины 1990-х годов, в западных демократиях не было проблем с политикой мультикультурализма (МКП) и правами меньшинств. Эти меры были одобрены как на национальном уровне в некоторых штатах, так и в международных организациях, которые отказались от прежних унитарных представлений об однородной государственности.

Однако с середины 1990-х годов происходит отказ от политики мультикультурализма и возрождение идеи государственного строительства через общие ценности и идентичности, унитарного гражданства — даже звучат призывы за «возвращение ассимиляции».

Это отказ частично обусловлен страхом среди большинства групп, что культурное разнообразие «зашло слишком далеко» и угрожает их образу жизни. Этот страх часто выражается в росте националистических и популистских правых политических движений, таких как Партия датского народа, отстаивающая идею «Дания на датском языке». Но это отступление отражает уверенность среди левоцентристов, что мультикультурализм не смог защитить права самих меньшинств, потому что не смог устранить основные источники их социальной, экономической и политической изоляции и, может быть, непреднамеренно способствовал их социальной изоляции. В результате, даже левоцентристские политические движения, изначально выступающие против мультикультурализма, такие как европейские социал-демократические партии,

поддержали его и перешли на такой тип дискурса, который подчеркивает важность «гражданской интеграции», «социальной сплоченности» и «общих ценностей».

Социал-демократический дискурс гражданской интеграции отличается от радикального правого дискурса тем, что подчеркивает необходимость борьбы с расизмом и дискриминацией и использования более широкой модели национальной идентичности, но, тем не менее, дистанцируется от риторики и политики мультикультурализма. Термин «мультикультурализм» часто служит символом этого нового подхода, который стремится преодолеть ограничения, избегая при этом гнетущего возрождения гомогенизации.

II. Что такое мультикультурализм?

А. Ложная модель

Значительная часть литературы эпохи пост-мультикультурализма характеризует мультикультурализм как торжество этнокультурного разнообразия и призывает граждан изучать весь спектр обычаев, традиций, музыки и кулинарных пристрастий, которые существуют в многонациональном обществе. Ясмин Алибхай-Браун называет такую характеристику «3S», по принципу модели мультикультурализма, существующей в Великобритании – сари, самосы и стальные барабаны.

Такой мультикультурализм вбирает в себя значимые культурные маркеры этнических групп (одежду, кухню, музыку) и рассматривает, какие из них могут быть сохранены членами традиционного общества, при этом не причиняя ущерб другим людям.

Под эгидой «3S» мультикультурализма люди учились в школе, выступали на фестивалях, в музеях, появлялись в средствах массовой информации и т.д. Однако, эта «праздничная» модель мультикультурализма была раскритикована по множеству пунктов:

- Модель игнорирует вопросы экономического и политического неравенства. Даже если все британцы захотят насладиться звуком ямайских барабанов или индийскими самосами, это не решит реальные проблемы Карибского бассейна

и южно-азиатской общины в Великобритании – проблемы безработицы, плохой успеваемости, жилищной сегрегации, плохого знания английского языка, и политической маргинализации. Эти экономические и политические проблемы не могут быть решены просто в рамках культурных различий.

- Содействие в глубоком понимании культурных различий и уникальных в своем роде культурных практик, может быть потенциально опасно. Во-первых, не все обычаи, которые традиционно практикуются в определенной группе, подходят или даже юридически допускаются в другой – например, принудительные браки. Во избежание розни, рекомендуется выбирать безопасные межкультурные темы – музыкальные или гастрономические, т.е. то, что может в равной степени удовлетворить потребности всех членов общества. Но в таком случае есть риск тривиализации культурных различий и игнорирования реальных проблем, которые могут быть вызваны такими различиями.

- В-третьих, 3S модель мультикультурализма может рассматриваться как концепция групп, герметичных либо статичных, каждая из которых опирается на свои традиции. Мультикультурализм поощряет людей обмениваться своими обычаями, но разговоры о том, что каждая группа имеет свой собственный, отличительный обычай, игнорируют процессы культурной адаптации, смешивания, тем самым укрепляя восприятие меньшинств как вечно «отсталых». Это, в свою очередь, может привести к укреплению предрассудков и стереотипов, и в целом поляризовать межэтнические отношения.

- В-четвертых, эта модель, в конечном счете, укрепляет власть неравенства и накладывает культурные ограничения на меньшинства. Государство обычно контактирует с традиционными элитами внутри группы (как правило, со старейшинами) на предмет того, какие традиции в их понимании являются «подлинными», и как правильно интерпретировать и внедрять их. Но при этом, игнорирует критику этих традиционных практик (и элит) внутренними реформаторами, которые имеют свою точку зрения на то как, скажем, «добрый мусульманин» должен действовать. Модель ограничивает возможность людей высказаться,

они не могут задавать вопросы или вступать в спор.

Согласно пост-мультикультуралистам, признание этих недостатков является средством отказа от мультикультурализма и сигналом для поиска новых моделей гражданского общества, которые обеспечивают:

1) политическое участие и экономические возможности в признании символической культурной политики, 2) Человеческие права и свободы по отношению к культурным традициям 3) создание всеобъемлющего национального тождества и признание культурной самобытности предков 4) изменение культуры и дальнейшую реализацию статических культурных различий.

Этот рассказ о взлете и падении 3S-мультикультурализма, несомненно, будет знаком многим читателям. Однако, на мой взгляд, он не совсем точный. Это не только карикатура на реальность мультикультурализма, которая разрабатывалась в течение последних 40 лет в западных демократиях, но еще и отвлечение от реальных проблем с которыми человечество может столкнуться.

3S модель отражает важность естественного человеческого желания упростить межэтнические различия, а также логику глобального капитализма, который стремится продать космополитичную культуру, но она не отражает характер мультикультурных правительств 1960-х, которые имели более сложные исторические и политические цели.

В. Мультикультурализм в определенном контексте

Важно рассматривать мультикультурализм в его историческом контексте. С одной стороны, он так же стар, как человечество – разные культуры всегда находили способы сосуществования и взаимного уважения. В качестве примера можно привести Османскую империю. Но мультикультурализм, переживающий «взлет и падение» – это более конкретный исторический феномен, возникший в западных демократиях 1960-х годов. Этот промежуток времени играет немаловажную роль, поскольку помогает нам противопоставить мультикультурализм по от-

ношению к более крупным социальным преобразованиям послевоенной эпохи.

В частности, мультикультурализм можно рассматривать как часть революции по правам человека, связанная с этническим и расовым разнообразием. До Второй мировой войны этнокультурное и религиозное многообразие на Западе характеризовалось рядом нелиберальных и недемократических отношений. Господствовали расистские идеологии, которые признавали превосходство одних народов и культур над другими.

Эти идеологии широко использовались во всем западном мире и опирались как на внутренние законы (касательно расово предвзятой иммиграции и политики в отношении гражданства), так и на законы во внешней политике (касательно иностранных колоний).

Однако, после Второй мировой войны мир отказался от фанатичных и убийственных гитлеровских идеологий. Организация Объединенных Наций решительно отказалась от них в пользу новой идеологии, предполагающую равенство рас и народов. Эта идеология породила ряд новых политических движений, целью которых было оспорить сомнительные достижения старых иерархий. Можно выделить три «волны» таких движений:

1) борьба за деколонизации, в период с 1948 года по 1965;

2) борьба против расовой сегрегации и дискриминации, по инициативе и на примере афроамериканского движения за гражданские права с 1955 по 1965;

3) борьба за мультикультурализм и права меньшинств, которая возникла в конце 1960-х.

Каждое из этих движений опирается на революцию права человека, и ее основополагающую идеологию равенства рас и народов, с целью оспорить наследованную ранее этническую и расовую иерархию. В самом деле, революция права человека играет двойную роль – это не только вдохновение для борьбы, но и ограничение на допустимые цели и средства этой борьбы. Поскольку исторически эта борьба с иерархиями направлена во имя равенства, то некоторые меньшинства должны пересмотреть свое отношение к правилу быть отчужденными и угнетенными (женщины, гомосексуалисты, люди смешанной расы, религиозные инакомыслящие и т. д.). Права человека,

и либерально-демократического конституционализма, как правило, имеют общие рамки, в которых эта борьба внимательно обсуждается.

Следовательно, каждое из этих движений вносит свой посильный вклад в процесс становления демократического гражданского общества — то есть, превращает ранее иерархические отношения в отношении либерально-демократической гражданской ответственности. Это влечет за собой преобразования как вертикальных отношений между меньшинствами и государством, так и горизонтальных связей между представителями различных групп.

В прошлом, часто предполагалось, что единственный способ участвовать в этом процессе становления гражданского общества — навязать единую недифференцированную модель гражданства для всех людей. Но идеи и политика мультикультурализма 1960-х годов исходили из того, что это сложная история неизбежно и надлежащим образом сформирует группу дифференцированных этнополитических требований. Ключ к гражданскому обществу лежит не через подавление этих дифференциальных претензий, он служит для их фильтрации через и сформулировать их в язык прав человека, гражданских свобод и демократической подотчетности. И это те действия, на которые направлен мультикультурализм.

В большинстве западных стран при явной поддержке государства прекратились дискриминации в отношении этнических, расовых или религиозных меньшинств. Это произошло в период с 1960 по 1970-х гг под влиянием второй волны борьбы за права человека. Тем не менее, этнические и расовые иерархии сохраняются во многих странах, будь то экономическое, политическое, социальное или культурное неравенство. Чтобы помочь преодолеть эти сохраняющиеся неравенства были разработаны различные формы мультикультурализма.

Основное внимание в этой работе акцентируется на мультикультурализме и на том, как эта политика относится к группам иммигрантов (постоянно проживающим). Но стоит отметить, что на борьбу за многокультурное гражданство также повлияло историческое меньшинство коренных народов.

С. Эволюция политик мультикультурализма

Для иммигрантов мультикультурализм является лишь одним аспектом большого «национального возрождения» по пути Западной демократии, в котором различные типы меньшинств боролись за новые формы поликультурного гражданства, которые объединяют как антидискриминационные меры, так и позитивные формы признания и жилья. Мультикультурного гражданства для иммигрантов, очевидно, не связаны с теми же типами претензий, как и для коренных народов и национальных меньшинств: группы иммигрантов как правило, не пытаются оспаривать право на землю, требовать статус территориальной автономии, или официальный статус языка. Что же это вещество поликультурного гражданства в отношении иммигрантов?

Индекс мультикультурализма политики — это попытка измерить эволюции МКП процессов в стандартном формате, который позволяет проводить сравнительные исследования. Данный индекс включает в себя следующие пункты:

- Конституционное, законодательное, парламентское утверждение мультикультурализма, на общегосударственном и/или региональном и муниципальном уровнях.
- Принятие мультикультурализма в школьную программу.
- Включение этнического представительства в СМИ.
- Свободу в выборе одежды.
- Возможность предоставления двойного гражданства.
- Финансирование организации этнических групп для поддержки культурной деятельности.
- Финансирование двуязычного образования или обучения на родном языке.
- Защита уязвимых групп иммигрантов.

Каждые из восьми вышеперечисленных показателей предназначены для измерения политики либерально-демократических государств, которые стоят перед выбором, следует ли принимать мультикультурное общество и разрабатывать мультикультурные формы гражданства в связи с многочисленными группами иммигрантов.

Конечно, политика мультикультурализма для иммигрантов по существу отличается от политики мультикультурализма для коренных народов или национальных меньшинств, ведь каждая политика была сформирована в качестве средства преодоления наследованной ранее иерархии, для того, чтобы помочь построить более справедливое демократическое общество.

Таким образом, мультикультурализм, в первую очередь, заинтересован в разработке новых моделей демократического гражданства, основанных на идеалах по правам человека, чтобы заменить ранее нецивилизованные и недемократические иерархические отношения. Цель мультикультурализма именно в строительстве новых общественных и политических отношений для преодоления глубоко укоренившегося неравенства, которое сохраняется после отмены формальной дискриминации.

Важно определить, какие из этих счетов более точно описывает западный опыт мультикультурализма. Прежде чем решить, стоит ли праздновать или оплакивать падение мультикультурализма, мы должны знать, что такое мультикультурализм вообще. Поэтому характеристика «3S» неверна по трем основным причинам.

Во-первых, утверждение о том, что мультикультурализм является в первую очередь символической культурной политики зависит от искажения фактической политикой. Неважно, обращаем ли мы внимание на коренные народы, национальные меньшинства, или иммигрантские группы, — главная цель МКП объединить экономические, политические, социальные и культурные ценности. Совершенно справедливо, что меньшинства обеспокоены оспорить историческую стигматизацию их культуры, иммигрант мультикультурализма также включает в себя политики, связанные с доступом к политическим властью и экономические возможности — например, политики позитивных действий, механизмы политической консультации, финансирование этнической самоорганизации, и облегчение доступа к гражданству. В отношении всех трех типов групп, задача МКП объединить культурное признание, экономического перераспределения, и участие в политической жизни.

Во-вторых, неуместны разговоры о том, что мультикультурализм игнорирует важность общегражданских прав человека. Напротив, мультикультурализм базируется на правах человека и руководствуется принципами либерально-демократического конституционализма. Его задачей является возврат к традиционной этнической и расовой иерархии, которая была дискредитирована послевоенными революциями по правам человека.

И действительно, это те вещи, которые мы сегодня видим во многих западных демократических странах. Везде, где мультикультурализм был принят, он был связан с возросшими нормами по правам человека и стал предметом либерально-демократического конституционного порядка. Ни одна западная демократия не освободила иммигрантские группы от конституционных норм в области прав человека и не допустила всеобщую криминализацию, принудительные браки и обрезание женских половых органов на своей территории.

А это, в свою очередь, указывает на ошибочность в утверждении, что мультикультурализм не способствует культурному изменению. Напротив, мультикультурализм гражданского общества является полностью преобразующим проектом, как для меньшинства и большинства. Такая политика предполагает, что и доминирующие и исторические подчиненные группы, должны выйти на иной уровень отношений и принять новые концепции дискурса, что, безусловно, глубоко повлияет на идентичность людей.

Однако стоит признать, что революция прав человека — это палка о двух концах. Она создает политическое пространство для этнокультурных групп, чтобы оспорить унаследованную ранее иерархию. Но также требует от данных групп выдвижения своих требований на довольно специфическом языке, а конкретно — на языке прав человека, гражданского либерализма и демократического конституционализма.

Это становится очевидно в случае с исторически доминирующей группой большинства в каждой стране, которая требует отказаться от расового превосходства, отказаться от претензий к исключительной собственности государства,

и отказаться от попыток навязать государственные учреждения исключительно в своих собственных (как правило, белый цвет кожи и христианство) интересах.

Для всех этих людей, мультикультурализм открывает новые возможности и вызовы. Эти меры обеспечивают точки доступа и правовые инструменты для недоминирующей группы оспорить свой статус. Но есть группы лиц, которые желают оспорить свое подчиненное положение по отношению к доминирующей группе, в то же время утверждая превосходство по сравнению с другими группами. Например, в Канаде восточноазиатские группировки любят говорить о своем угнетении, но при этом показывают гораздо более высокий уровень нетерпимости к коренным канадцам. Некоторые из высших каст мигрантов из Индии недовольны тем, что белые не принимают их так, как хотелось бы, но в то же время избегают контактов с низшей кастой иммигрантов из их родной страны. Некоторые мужчины из Северной Африки возражают против дискриминации на рынке труда, но в то же время отказывают женщинам в приеме на работу. Этот список можно продолжать до бесконечности.

III. Мультикультурализм на практике

Пока основной акцент в данной работе был сосредоточен на целях мультикультурализма. Но как МКП работает на практике? Успешно ли данная политика решает проблемы этнической и расовой иерархии и действительно создает более демократичное гражданское общество? Нужно сказать, что пока мы не имеем достаточно доказательств. Тем не менее, мы можем сослаться на некоторые интригующие результаты недавних исследований.

А. Канадская история успеха

Одно из немногочисленных исследований, пытающихся изолировать влияние МКП, было проведено Ирэн Блумрад (Irene Bloemraad) в 2006 году. Ирэн сравнила интеграцию вьетнамских иммигрантов в Бостоне и Торонто.

Интересной особенностью этого сравнения стало то, что эти две группы были схожи по своим характеристикам до прибытия – они иммигрирова-

ли в одно и то же время с примерно идентичным уровнем образования, знанием языка и финансовым обеспечением.

И все же вьетнамцы интегрировались в политическую сферу Торонто более эффективно, чем в Бостоне, и Блумрад утверждает, что канадский мультикультурализм стал главной причиной этого. Канадское правительство поощряло вьетнамское участие в политической жизни страны, а также обеспечило материально-техническую поддержку для самоорганизации и политической идентификации сообщества. Исследование Блумрад показало аналогичный результат и для португальцев. Вновь португальская община в Торонто показала более тесный уровень политической интеграции, в отличие от Бостона, несмотря на то, что иммигранты обладали аналогичными характеристиками до приезда.

Из вышеописанных событий можно сделать определенные выводы.

Канада стала первой западной страной, принявшей официальную политику мультикультурализма к иммигрантам, и она остается единственной страной, в которой понятие мультикультурализма закреплено в Конституции. Если МКП процессы и имеют какие-то недостатки, то они должны проявляться прежде всего в Канаде. Однако исследования показали иные результаты. Иммигранты в Канаде имеют больше шансов стать гражданами, голосовать и баллотироваться на выборах, получить работу в офисе, чем иммигранты из других западных демократий, отчасти потому, что избиратели в Канаде не дискриминируют таких кандидатов.

Несмотря на то, что успешная политика Канады в этой области получила широкое признание, скептики сомневаются, что мультикультурализм играет в ней существенную роль. Критики утверждают, что высокий уровень канадской интеграции объясняется другими факторами. При относительно открытом рынке труда в Канаду приезжает большое количество квалифицированных кадров (больше чем в другие страны). Иными словами, иммигранты приносят с собой более высокий уровень человеческого капитала и могут легко его использовать.

Принимая во внимание факт избирательной миграционной политики Канады, Блумрад утверждает в своем исследовании, что Торонто

более привлекательный город для вьетнамских иммигрантов, чем Бостон.

Заметна успешная политика Канады, направленная в первую очередь не на самых высококвалифицированных иммигрантов, которым, вероятно, хорошо живется там, где они родились. В этом отношении наиболее четко видна разница между Канадой и Соединенными Штатами.

Кроме того, ряд последних исследований помогли прояснить ту позитивную роль, которую МКП может играть в более широких процессах интеграции иммигрантов. Это исследование показывает, что МКП процессы работают на двух обширных уровнях: индивидуальной идентичности и институционального дизайна.

Во многих странах у граждан с сильным врожденным чувством национальной идентичности национальная гордость иммигрантов может рассматриваться как угроза. Но в Канаде, которая официально называет себя мультикультурной нацией, мультикультурализм служит источником общего национального самосознания и гордости за коренных граждан и иммигрантов. Исследования показывают, что вне мультикультурализма, национальная идентичность в скором времени может привести к нетерпимости и ксенофобии.

Канада, наверное, единственная из западных стран, где сила национальной идентичности положительно коррелирует с поддержкой иммиграции. И эту вещь трудно объяснить, кроме как отсылкой на мультикультурализм.

Установлено, что снижение социального капитала, этнического и расового разнообразия увеличивается в Соединенных Штатах, однако, подобной картины не наблюдается в Канаде, особенно среди молодого поколения, которые выросли под эгидой политики мультикультурализма.

Последнее международное исследование также подтвердило конструктивную роль, которую играет в мультикультурализм в оздоровливании отдельных процессов аккультурации.

Исследования также показали, что с точки зрения психологического благополучия и социально-культурных результатов иммигранты чувствуют себя лучше всего тогда, когда они в состоянии соединить свою этническую идентичность с национальной. Ученые часто называют это «ориентационной интеграцией». Стоит также

отметить, что члены иммигрантских меньшинств более склонны идентифицировать себя с определенной национальностью, если их этническая идентичность уважается обществом.

На институциональном уровне, мультикультурализм играет важную роль в регулировании общественных институтов. Например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) признала сравнительное преимущество Канады в обучении иммигрантов по сравнению с конкурентами.

Студенчество также отметило, что решающим фактором в достижении такого успеха было наличие конкретной политики в отношении вопросов культурного и языкового разнообразия в школах. Эти меры помогают объяснить, почему детям иммигрантов Канаде живется лучше, чем в других западных демократиях.

Аналогичным образом, было доказано, что мультикультурализм играет важную роль в принятии политических решений в Канаде. Как отмечает Блумрад в своем исследовании, МКП сыграла важную роль в создании более быстрых и эффективных учреждений вьетнамской общины. В частности, МКП поспособствовала ее самоорганизации:

- Среди руководителей общин появились новые кадры, знакомые с канадскими практиками и институтами.
- Появились механизмы консультирования.
- Были созданы более благоприятные условия.

В. Европейский опыт

Трудно сказать, может ли такой позитивный результат быть достигнут в других странах. Мы не располагаем множеством надежных межнациональных исследований, которые смогут доказать или опровергнуть это. Тем не менее, стоит отметить, что Блумрад пыталась оценить эффекты МКП на международном уровне, и ее недавнее исследование разнообразия в 19 странах показывает, что МКП процессы имеют положительное влияние на политическое участие и социальный капитал страны.

Даже если исключить Канаду из этого примера, МКП все равно будет иметь положительный образ социальной сплоченности. Результаты

поперечных национальных исследований показывают, что мультикультурализм оказывает положительное влияние на снижение агрессии и, следовательно, дети в странах с МКП лучше адаптированы психологически.

Следует подчеркнуть еще раз, как фрагментарное свидетельство: будущие исследования, несомненно, помогут лучше определиться с выводами. Даже если мультикультурализм показывает неплохие результаты на международном уровне, он все еще, возможно, оказывает негативное воздействие на отдельные страны по конкретным вопросам. Руд Купманс (Ruud Koopmans) утверждал, что МКП в Нидерландах оказала негативное влияние на интеграцию иммигрантов в эту страну.

Это утверждение горячо оспаривается рядом голландских ученых, которые считают, что это Купманс обвиняет мультикультурализм в бедах, которые на самом деле полностью возникают из-за других политик (например, политического рынка труда).

Но даже если утверждение Купманса верно и МКП действительно имела порочный и непредсказуемый эффект в Нидерландах, межнациональные данные свидетельствуют о том, что это скорее отклонение от нормы, а не общая тенденция.

Вкратце можно отметить, что мультикультурализм возник на Западе как средство замены старых форм этнической и расовой иерархии новыми демократическими гражданскими отношениями и уже есть некоторые существенные, если не окончательные, доказательства того, что данная политика делает успехи в этом направлении.

IV. Отступление от мультикультурализма

Но возникает вопрос. Если множество претензий по поводу недостатков мультикультурализма в значительной степени ошибочны, то как объяснить падение мультикультурализма? Если мультикультурализм вдохновлен нормами прав человека и стремится к углублению отношений демократической гражданственности, и, если существуют некоторые доказательства того, что это работает, то почему не было такого отступления от него?

А. Риторика против реальности

Ответ заключается в том, что сообщения о смерти мультикультурализма преувеличены. Политический индекс мультикультурализма ранжирует численность иммигрантов в 21 странах ОЭСР в трех временных промежутках: 1980, 2000, и 2010 гг., а также отмечает четкую тенденцию к расширению межкультурного пространства в течение последних 30 лет, включая последние десять (см. Приложение 1). Есть несколько важных исключений: наблюдается значительное снижение численности в Нидерландах, и незначительное в Дании и Италии. Но за последние десятилетия также наблюдается укрепление МКП в ряде стран, включая Бельгию, Финляндию, Грецию, Ирландию, Норвегию, Португалию, Испанию и Швецию. В других странах, показатели увеличились незначительно или остались на прежнем уровне. В целом, отчет о мультикультурной политике в Европе является одной из скромных укреплений. В Приложении 1 указывается, средняя оценка для европейских стран выросло с 0,7 в 1980 году до 2,1 в 2000 и 3,1 в 2010 году. Другие независимые усилия для измерения численности МКП в Европе пришли к тому же выводу.

Это может удивить многих читателей, учитывая то обстоятельство, что разговоры о мультикультурности так непопулярны в политических кругах.

Но отступление действительно может быть больше вопросом из области разговоров, чем реальной политикой. Некоторые политики в Великобритании и Австралии, например, решили не использовать «m word» – заменяя его такими терминами, как разнообразие, плюрализм, межкультурный диалог, или сплоченность, – но эти изменения в формулировке не имеют обязательно пострадавших фактической политики и программ на местах. Выступая в Великобритании, Дерек Макги сказал, что «Во многом это отступление от открытой враждебности по отношению к мультикультурализму, а не отказ от принципов мультикультурализма в целом».

Эти данные также показывают, что такая риторика присутствует не только в странах, практи-

кующих активную мультикультурную стратегию. Заявление канцлера Ангелы Меркель о том, что политика мультикультурализма «провалилась» в Германии вызывает недоумение, так как не все методы в этой стране были опробованы в значительной мере. Официальная политика на национальном уровне была враждебна относительно институционального плюрализма, и мультикультурная инициатива появилась в основном в городах с большим количеством иммигрантов. Меркель использовала критику мультикультурализма как отвлекающий маневр, но Карен Шёнвельдер (Karen Schönwälder) считает, что она преследует исключительно политические цели: «Создавая мнимую картину мультикультурного прошлого, «консервативные политические лидеры» могут представить свою собственную политику как инновационную».

Без сомнения, существует много причин, почему политические лидеры Европы решили риторически изобразить себя противниками «отсталого» и «наивного» мультикультурализма и приверженцами «инновационного» и «реалистичного» подхода. Но нам не следует путать риторику и реальность, ведь индекс показывает, что отступление от мультикультурной риторики не соответствует любым сопоставимым отступлениям от мультикультурной политики.

В. Распространение гражданской интеграционной политики

На уровне государственной политики произошли изменения. Это не был полный отказ от МКП, скорее распространение определенных требований, которые были введены на различных этапах иммиграционного процесса – регистрация, вид на жительство и натурализация. Эти требования были реализованы через ряд испытаний, курсов и контрактных обязательств.

Сара Гудман разработала статистический показатель общественной политической интеграции в странах Европы (CIVIX), который претерпел значительные изменения с 1997 года, когда такая политика по большому счету отсутствовала, до 2009 года, когда данная политика была до-

статочно распространена (см. Приложение 2). По шкале CIVIX, средний показатель по 15 странам ЕС равнялся только 0,56 из 7,0 возможных в 1997 году, но вырос до 2,3 к 2009 году.

Итак, мы видим интересную тенденцию: незначительное укрепление МКП и более резкое увеличение иммиграционных требований. Сохранение МКП наряду с новыми гражданскими веяниями в интеграционной политике подразумевает, что они должны каким-то образом сосуществовать.

Интеграционная политика подчеркивает важность вовлечения иммигрантов в свою систему для создания нового общества и достижения ряда основных принципов, включая следующие:

- Ключевая роль занятости в интеграции.
- Уважение к основным либерально-демократическим ценностям, таким как свобода, демократия, права человека, равенство (например, гендерное) и верховенство закона.
- Знание языка, истории принимающего общества на базовом уровне.
- Необходимость борьбы с дискриминацией законов и политики.

Существует некоторое несоответствие между гражданской интеграцией и МКП. Безусловно, опыт неевропейских стран, таких как Канада и Австралия, подтверждает эту точку зрения. Обе страны давно осуществляют МКП и имеют надежную интеграционную почву для принятия иммигрантов.

Канадские чиновники акцентируют свое внимание на интеграционной политике, в том числе на той, которая часто встречается в европейских гражданских программах интеграции. Поддержка культурного многообразия, оказание помощи национальным меньшинствам в преодолении адаптационных барьеров, развитие межкультурного обмена стало первоначальной целью таких интеграционных программ в рамках мультикультурализма (принятого в 1971 году). Кроме того, федеральное и провинциальные правительства оказывают иммигрантам посильную помощь в обустройстве. Чтобы стать «полноправными участниками канадского общества» иммигранты учат один из двух официальных государственных

языков. Язык изучается как на базовом уровне, так и на более продвинутом, для тех групп иммигрантов, которые хотят значительно улучшить свои языковые навыки.

Помимо всего, Канада имеет давние традиции поощрения иммигрантов, которые интересуются историей, традициями и политическими институтами страны.

Люди, претендующие на канадское гражданство, должны сдать письменный тест, в котором будет оцениваться их способность говорить на английском или французском языке, знание канадской истории, географии, политических институтов и традиций. Канадская модель также имеет механизмы защиты либерально-демократических принципов и механизмы по борьбе с дискриминацией.

Таким образом, канадская власть сочетает в себе черты мультикультурализма и гражданской интеграции. Но эту связь повлияли два определяющих фактора. Во-первых, все интеграционные действия происходят, прежде всего, на добровольной основе. Во-вторых, обучение языку и помощь в интеграции предоставляется правительством бесплатно.

Австралийский случай тоже показывает совместимость МКП и гражданской интеграции: Австралия всегда подчеркивала важность изучения английского языка как национального и требовала уважения либеральных ценностей в качестве основных частей ее мультикультурализма. Джеймс Юпп, который сыграл ключевую роль в определении политики мультикультурализма в Австралии, утверждал, что мультикультурализм в Австралии «по существу – либеральная идеология, которая работает в либеральных учреждениях с всеобщего одобрения либеральных взглядов». Он признает, что все люди должны быть равны и разные культуры могут сосуществовать, если они принимают либеральные ценности.

Таким образом, две страны – давние сторонники МКП, которые всегда были сильны своей интеграционной политикой, сосредоточились на изучении национального языка и общих ценностей.

Полученные данные свидетельствуют, что никакой внутренней несовместимости между

мультикультурализмом и гражданской интеграцией нет. Тем не менее, мы должны принять во внимание тот факт, что не все формы гражданской интеграции совместимы с мультикультурализмом. Реальность такова, что гражданская интеграционная политика может сильно отличаться по форме и содержанию, а в некоторых случаях переход к ней будет означать неизбежный отказ от мультикультурализма.

С другой стороны, можно отметить, что переход к гражданской интеграционной политике является важным событием, но не стоит непременно связывать его с отказом от мультикультурализма. Интеграционная гражданская политика отлична от мультикультурализма по многим направлениям, в том числе в своем отношении к культурному разнообразию. В некоторых странах (например, в Дании, Германии и Австрии) приняты анти-мультикультурные формы гражданской интеграции – принуждение и ассимиляция. Но так как эти страны никогда не были приверженцами мультикультурализма, их новая политика вряд ли может рассматриваться как отказ от него. В отличие от них, страны с давней МКП (Швеция) приняли более добровольную и плюралистическую форму политической интеграции. И к такой модели поликультурной интеграции движутся другие страны – например, Финляндия. Учитывая данные отличия, преждевременно говорить, что гражданская интеграция влечет за собой отказ от мультикультурализма.

С нормативной точки зрения, сочетание благоприятной гражданской интеграции и мультикультурного проживания – лучший вариант, отвечающий либеральным ценностям свободы и справедливости. Такое сочетание является взаимовыгодным, дополняет и ограничивает друг друга.

Многие критики мультикультурализма признают, что мультикультурализм хорош в теории, но не всегда применим на практике. По словам Компанса «мы не можем предположить, что нормативно оправданные вещи будут эффективны на практике». Однако, следует отметить, что страны с хорошим уровнем гражданской интеграции и мультикультурализма показывают высокий уровень социальной сплоченности и доверия.

V. Заключение: Будущее мультикультурализма

Эта статья разрушает четыре главных мифа о мультикультурализме:

- Во-первых, она критикует «3s» модель мультикультурализма и предлагает определять мультикультурализм как стремление к новым демократическим и гражданским отношениям, опирающимся на права человека.

- Во-вторых, она опровергает утверждение, что мультикультурализм был в «подполье» все это время.

- В-третьих статья отрицает предположения о провале мультикультурализма, предлагая доказательства положительного влияния МКП на общество.

- В-четвертых, в статье оспаривается идея о том, что распространение гражданской интеграционной политики в состоянии заменить политику мультикультурализма.

В свете данных аргументов, мультикультурализм заслуживает самого пристального внимания высших чиновников в качестве инструмента построения гражданского общества. Тем не менее, стоит признать, что все еще существуют серьезные препятствия для построения мультикультурализма – далеко не все попытки принять новую модель мультикультурного гражданства были успешны. Нужно разрешить главный вопрос: почему в одних местах данная политика работает, а в других нет? В этой области требуется осторожность в принятии решений, т. к. удачные эксперименты не систематизированы и носят стихийный характер. Для того чтобы действия возымели положительный эффект, нужно опираться на исторический опыт.

Первая причина это «десекуритизация». Если государства чувствуют себя безопасно в геополитическом плане (держа в страхе соседние страны) вряд ли они будут справедливо относиться к своим собственным меньшинствам. Например, во время второй мировой войны итальянцы, датчане и бельгийцы опасались, что немецкоязычные меньшинства, проживающие на их территории, будут более лояльны к Германии, чем к своей стране.

Второй причиной является защита прав человека. Это касается безопасности тех людей, ко-

торые попадают под влияние самоуправляющихся меньшинств. Нужно понимать, что государство не допустит существование автономных меньшинств там, где это может привести к расколу. Хотя в последнее время существует все меньше опасений на этот счет. Никто не боится, что такие исторические меньшинства как шотландцы или каталонцы попытаются ограничить права человека во имя культурной аутентичности, религиозной ортодоксии или расовой чистоты. Однако беспокойство по поводу мусульман не утихает до сих пор, особенно в связи с их нежеланием интегрироваться в систему либерально-демократических норм.

Эти два фактора применимы ко всем формам мультикультурализма.

Несомненно, существует еще целый ряд факторов, изменяющихся в каждой конкретной стране (таможенный контроль, однородность или разнородность иммиграции, экономическая ситуация и т. д.), которые могут сформировать потенциал для мультикультурного гражданства. Несмотря на все разговоры о падении мультикультурализма, можно сказать, что данная политика, в общем и целом, имеет большое будущее. Принятие общественных ценностей и конституционных норм толерантности, провозглашение равенства и свободы личности, опирающиеся на права человека – это важные шаги в направлении мультикультурализма. Эти шаги объясняют текущую тенденцию к признанию прав национальных групп и коренных народов. Сегодня не существует надежной альтернативы мультикультурализму в контексте либеральной демократии и прав человека.

Ситуация в отношении групп иммигрантов остается более сложной. Нужно отметить, что без достойной поддержки со стороны государства, без взаимопонимания и уважения к иммигрантам можно в скором времени получить угнетенный народ, который будет находиться в постоянной оппозиции ко всему обществу.

Что касается прав меньшинств, либерально-демократических и человеческих прав, то в настоящее время они надежно защищены внутренними конституциями и международным законом.

В прошлом, защитники мультикультурализма осуждали политику расизма и ксенофобии

в пользу культурного разнообразия и межкультурного диалога. Это вполне обоснованно и логично, но им следует дополнить свои аргументы широким признанием пруденциальных нормативов и моральных рисков, с уточнением, каким образом

будут управляться данные риски. Более полное исследование на тему, как гражданская интеграционная политика может работать совместно с мультикультурализмом станет важным шагом в этом процессе.

Шурухин Б.

О ПЕРЕВОДЕ РАБОТЫ У. КИМЛИКИ

Уилл Кимлика (англ. *Will Kymlicka*) – канадский политический ученый, автор теории американского мультикультурализма и мультикультурного гражданства. Редактор ежеквартального электронного бюллетеня «Гражданство, демократия и этнокультурное многообразие», распространяемого на форуме королевы по философии и общественной политике. В настоящее время профессор Королевского университета в Кингстоне и заведующий кафедрой политической философии. Автор ряда работ, в том числе: «Иммиграция, мультикультурализм, и государство всеобщего благосостояния» (Этика по международным делам, Том 20, 3 Осень 2006); «Политики на местном языке: национализм, мультикультурализм, гражданство» (Oxford: Oxford University Press, 2001); «Найти наш путь: переосмысление этнокультурных отношений в Канаде» (Oxford: Oxford University Press, 1998); «Многокультурное гражданство: либеральная теория прав меньшинств» (Oxford: Oxford University Press, 1995); «Современная политическая философия: Введение» (Oxford: Oxford University Press, 1990/2001); «Либерализм, общество и культура» (Oxford: Oxford University Press, 1989/1991) (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1436394>).

Уилл Кимлика любезно согласился предоставить для перевода на русский язык его статью.

Thanks for your message, and for your interest in my work. Is there a specific article that you were hoping to translate into Russian? I'm attaching my CV, which has a full list of my publications. Were you planning to publish the translation in a journal? If

so, then you would need to get copyright permission. For some of the articles, I own the copyright, and so permission is no problem to arrange. But in other cases, the copyright is owned by the English-language publisher, and we would need to get their permission as well. If you let me know which article you are interested in, I could check on the copyright. Best wishes. Will.

Т.е.: Спасибо за ваше сообщение, и за интерес к моей работе. Есть ли конкретные статьи, которые вы бы хотели перевести на русский? Я прикрепил мое резюме, которое имеет полный список моих публикаций. Планируете ли вы издавать перевод в журнале? Если так, то вам нужно будет получить разрешение правообладателя. На некоторые статьи у меня есть авторские права, и поэтому получение разрешения для них не будет проблемой. Но в других случаях, авторское право принадлежит издателю, и мы должны получить их разрешение. Я могу проверить это, если вы скажете, какой именно статьей интересуетесь. С наилучшими пожеланиями, Уилл.